

В. А. Смирнов, В. В. Сутырин

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: СЛУЧАЙ ЛИТВЫ¹

В статье реконструируется ход изучения политических элит Литвы в контексте исследований в масштабе Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) после падения коммунистической системы. Выявлены центральные категории и подходы, задающие общую теоретическую рамку для исследований элит в данном регионе. Детально проанализированы литовские научные центры и исследовательские проекты, в рамках которых осуществлялись исследования элит. Обозначена современная проблематика эволюции элит ЦВЕ и Литвы в частности — вызовы «горизонтальной» и «вертикальной» интеграции. Обоснована актуальность изучения формирования и развития политических элит ЦВЕ на примерах конкретных страновых случаев.

Ключевые слова: политическая элита, Литва, Центральная и Восточная Европа, структура, агенты изменений, трансформация.

Роль элиты в условиях нестабильного политического процесса в странах ЦВЕ

Политическая трансформация в ряде стран Центральной и Восточной Европы, последовавшая за падением коммунистического блока, может быть классифицирована как разновидность политического процесса — а именно процесса нестабильного, как переход системы из одного состояния в другое. Система, понимаемая в соответствии с классическим определением как «сочетание элементов во взаимосвязи» (Берталанфи, 1973), в переходный период характеризуется высокой степенью неустойчивости — в зависимости от определенной констелляции факторов и действий агентов она может приобрести то или иное качество, перейти в то или иное новое состояние. Влияние на данный процесс оказывает как внешняя по отношению к системе среда, так и входящие в состав системы элементы, взаимосвязи между ними, формирующие структуру. Справедливым в данном отношении является тезис К. Леви-Стросса, о том, что суть системного характера структуры — «в сочетании таких элементов, изменение любого из которых влечет за собой изменение всех остальных» (Levi-Strauss, 1963, p. 279). По-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для молодых ученых «Механизмы рекрутации и воспроизводства политических элит в посткоммунистических обществах на примере Республики Польша» МК-3627.2011.6. Случай Литвы рассматривается с целью последующего сопоставления с опытом элитогенеза в Республике Польша в контексте стран ЦВЕ после падения коммунистического блока.

© В. А. Смирнов, В. В. Сутырин, 2011

добный подход, основанный на посылке о взаимозависимости структурных элементов системы, является выбранной авторами основной рамкой в осмыслении как исследовательских подходов, так и непосредственно самих трансформационных процессов, имевших место на пространстве Центральной и Восточной Европы и в конкретном случае Литвы.

Развивая тему системного подхода к осмыслению политических изменений в странах ЦВЕ и изменившейся, выдвинувшейся на первый план роли элит, актуальным видится обращение к стэнфордской модели кризиса развития, предложенной исследовательской группой, работавшей на базе одноименного университета под руководством Г. Алмонда (Almond et al., 1973). В основе модели лежит сопоставление периодов стабильного развития с периодами системных кризисов развития, предполагающее, в том числе, различия в теоретико-методологических подходах к исследованию. В терминах модели кризиса развития процессы политической трансформации в странах ЦВЕ могут быть представлены как этапы перехода от системной синхронизации через десинхронизацию к ресинхронизации, где состояние синхронизации предполагает соответствие структур функциям системы. При этом ключевую роль в процессе изменения функционирования системы играют агенты мобилизации требований — к таковым могут быть отнесены и представители политической элиты, формулирующие и предъявляющие системе новые запросы. Данная модель обладает большим эвристическим потенциалом при осмыслении политических трансформаций и роли агентов в этом процессе в отличие, например, от предшествовавшей ей модели Д. Истона, рассчитанной на описание стабильной системы (Easton, 1965).

В условиях изменения политической системы, характеризующегося высокой динамикой и меньшей степенью преемственности в сравнении с периодами стабильного развития, приобретает особую актуальность тезис Вильфредо Парето и Гаэтано Моска об элите как главной движущей силе и субъекте политического процесса. Рассматривая различные аспекты жизни общества как функциональные элементы целого, особую роль элиты в качестве агента изменений Парето объяснял так: «Не упоминая об исключениях, немногих и недолговечных, повсюду мы имеем немногочисленный правящий класс, удерживающийся у власти частично с помощью силы, частично с согласия управляемого класса, более многочисленного» (Pareto, 1916, p. 317). В свою очередь Моска предполагает, что «вся история цивилизованного человечества сводится к конфликту между стремлением доминирующих элементов монополизировать политическую власть и передать обладание ею по на-

следству, и стремлением к вторжению на их место новых сил» (Mosca 1939, p. 65).

С принципом циркуляции элит (происходит циклическая смена представителей одних властных групп другими, в результате история предстает в качестве «кладбища элит»), который обосновал Парето, согласуется понимание политического процесса как «цикла политических изменений, последовательной смены состояний политической системы» (Шутов, 1994, p. 19). Выделяя среди субъектов политического процесса (институты, партии, само государство) роль именно элит, Парето и Моска постулируют зависимость макрорезультата от микропроцессов, от того, что Поппер называл «персональными решениями» мира политического (Поппер, 1992, p. 126). Эта зависимость весьма очевидным образом проявилась в период многомерного трансформационного процесса, в который после распада Советского Союза оказались вовлечены Литва и иные страны бывшего коммунистического блока.

Помещение стран Балтии в Центрально-восточноевропейский контекст является распространенным в работах по проблемам формирования элит и смены режимов после прекращения существования коммунистического блока (см.: Shlapentokh, 1999; Clark, 2002; Lengyel et al., 2007; Ramet, 2010; Best, Higley, 2010). Объясняется это не только очевидными сходствами в отношении глубоких социально-политических трансформаций последней четверти века, но и структурными основаниями геополитического характера, что позволило, например, М. В. Ильину и Е. Ю. Мелешкиной признать Центральную и Восточную Европу «двойником» Балто-Черноморской системы, неотъемлемой частью которой являются как раз страны Балтии (Ильин, Мелешкина, 2010).

Рассматривая эволюцию подходов к изучению политических элит на пространстве Центральной и Восточной Европы в последнюю четверть века, необходимо отметить, что политические изменения в значительной степени сопровождались масштабным вовлечением масс. Примером в случае стран Балтии может служить так называемый «Балтийский путь» — протестуя против действий руководства СССР, почти 2 млн жителей Литвы, Латвии и Эстонии, взявшись в августе 1989 г. за руки, создали «живую цепь» протяженностью почти в 600 километров. Однако относительная кратковременность подобной мобилизации широких слоев населения, с одной стороны, и необходимость осуществления институциональных выборов с целью проведения реформ, с другой, обусловили широкое распространение в исследовательской среде тезиса об «играх элит» (elite games), как центрального процесса трансформа-

ций (Welsh, 1994). Несмотря на важную роль массовых протестов, к главным акторам трансформационных процессов ведущие западные исследователи относят политические элиты, не сомневаясь в том, что именно они осуществили переход к новому режиму любого вида, включая либеральные демократии, и сформировали новый политический порядок (Хигли, 2006, с. 61; Эдингер, 2010, с. 13). В основе данной точки зрения — понимание фундаментальной роли институтов в период политической стабильности и значительного снижения их влияния на политический процесс в условиях высокой динамики изменений, что ведет к существенному возрастанию значения действий элиты (Best et al., 1997, p. 250; Higley, Lengyel, 2000, p. 2). В регионе Центральной и Восточной Европы проблематика деятельности агентов изменений вышла на первый план исследовательской повестки, оставив структуры на втором. Центр исследовательского внимания сместился от институциональной зависимости (path dependency) к институциональному выбору элит (institutional choices) (Burton et al., 1992; Bozoki, 2003).

Одним из главных факторов, обусловивших интерес современной политической науки к региону ЦВЕ, явился исключительный, даже уникальный характер изменения режимов (Бест, 2010, с. 31). Кроме того, особое значение имеет точка отсчета — относительное идеологическое и формально-институциональное подобие стран коммунистической системы. Именно объединенность во времени пространства Европы «похожей культурной и политической судьбой» позволила одному из ведущих литовских политологов Ирмине Матоните сделать хотя и дискуссионный, но в то же время заслуживающий внимания вывод о том, что в этом смысле термины «постсоциалистический», «посткоммунистический» и «постсоветский» являются синонимами (Matonyte, 2001, p. 26). Дискуссионность данной позиции подтверждается, в частности, аргументацией О. Гаман-Голутвиной, утверждающей, что категория «постсоциалистические страны» является «пустым множеством» (Узбекистан и, например, Венгрия имеют мало общего), в то время как «постсоветские страны» обладает эвристическим потенциалом (Гаман-Голутвина, 2010, с. 77).

Однако маркирование Литвы, Латвии и Эстонии термином «постсоветские страны» представляется авторам не совсем корректным, так как это ограничивает возможности аналитической интерпретации происходивших на рубеже 1980–1990-х годов процессов. В случае со странами Балтии важно указать на их своего рода «двойную принадлежность»: с одной стороны соответствие их институционального дизайна общему политическому ландшафту советского пространства, а с другой — социокультурная ориентация

на Центральную и Восточную Европу, «преобладание западноевропейских ценностей в менталитете» (Симонян, 2009, с. 39) (последнее объясняет столь широкую поддержку, которую среди элит стран Балтии имела идея «возвращения на Запад»). Подобная двойственность может служить одним из объяснений того, почему после падения коммунистического блока страны Балтии продемонстрировали иные результаты трансформации, нежели чем целый ряд государств постсоветского пространства.

В этом смысле уместно обратиться к идеям литовского исследователя Зенонаса Норкуса, предлагавшего оценивать посткоммунистическую трансформацию двумя способами: интерпретируя ее в первом случае как процесс приближения к определенной цели, а во втором — как процесс постепенного отхода, удаления от начального состояния. Норкус метафорично описывает процесс трансформации как переход через горы без карты или с картой, которая, как позже выясняется, неточна: «Хотя в начале посткоммунистической трансформации могло казаться, что точка назначения одна и та же (рыночная экономика и либеральная демократия), при приближении к ней все яснее вырисовываются новые перекрестки, т.к. существуют различные варианты и рыночной экономики, и либеральной демократии» (Norkus, 2008, p. 329).

Как пишет А. Ю. Мельвиль, 20 лет назад (в «удивительную эпоху демократического оптимизма») в политическом дискурсе укрепилось векторное представление о мировой динамике: за распадом тех или иных форм авторитаризма обязательно должна была последовать либеральная демократия, как единственная жизнеспособная альтернатива. Однако, как показала практика, единого вектора развития для всех стран и народов на данный момент не существует, и осмысление вопроса политических трансформаций единственно в рамках линейной транзитологической парадигмы не может предоставить всех необходимых инструментов для точной реконструкции текущей ситуации и выявления факторов, способствующих ее формированию (Мельвиль, 2010, с. 73).

Теория элит, применяющаяся для объяснения различий между режимами, сформировавшимися после коллапса коммунистической системы, продолжает играть заметную роль в исследовательской деятельности, охватывающей как область объяснения текущих политических процессов, так и сферу создания сценариев дальнейшего развития стран. С нашей точки зрения, общие, претендующие на универсальность теоретические модели и схемы необходимо использовать в соединении с разработками, полученными путем анализа конкретных страновых случаев.

Ключевые категории в исследовании роли элит в процессе трансформации

Одной из центральных категорий, задавшей общую теоретическую рамку для большинства исследований роли элит на пространстве ЦВЕ, стало понятие «соглашение элит» (elite settlements), активно разрабатывавшееся в элитологической парадигме американскими учеными М. Бартоном и Дж. Хигли (Burton, Higley, 1987). Исследователи обозначили соглашение элит как важнейший вид политического изменения, который представляет собой достижение компромисса между находившимися до этого в состоянии войны (неограниченной конкуренции) элитными фракциями относительно общих правил и системы сдержек, что обеспечивает политическую стабильность и является необходимым условием перехода к демократии.

Формулированию данной концепции способствовал интеллектуальный климат конца 1970-х – начала 1980-х годов, который характеризовался, с одной стороны, повышением внимания к концепции минималистской демократии (Popper, 1963; Riker, 1982; Schumpeter, 1994; Przeworski, 1999) и, с другой стороны, интенсивными дебатами о причинах стабильности демократических режимов. Дискуссия о значении разного рода соглашений между представителями правящих кругов для развития демократических институтов активно велась исследователями, начиная с 1970-х годов (Rustow, 1970; Huntington, 1983), что в целом представляло чрезвычайно благоприятную почву для адаптации данных идей в рамках динамично развивающейся теории элит.

Предложенная Бартоном и Хигли исследовательская позиция явилась своеобразным ответом элитологов на вопрос о причинах стабильности демократий. Соглашение элит, обеспечивающее реализацию механизмов открытой, но ограниченной определенными правилами и, поэтому, мирной конкуренции между различными элитными фракциями, сравнивается этими учеными по значению своих последствий для общества с социальной революцией. Данная аналитическая схема оказалась в высшей степени актуальной для исследователей трансформаций в регионе ЦВЕ. С опорой на нее получили развитие подходы, акцентирующие ключевое значение пакта элит в процессе смены политических режимов (pacted transition) в регионе (Wasilewski, 1998).

Последовавший за падением коммунистических режимов процесс реформ, затрагивающих фундаментальные основания политической системы, актуализировал дискуссии о том, какие факторы обуславливают тот или иной институциональный выбор правящих элит. Ключевым стал вопрос о динамике структурной дифферен-

циации состава политического руководства, ставящий в центр повестки проблему соотношения циркуляции и репродукции элиты. В процессе поиска возможных решений данной исследовательской задачи в высшей степени востребованными оказались социологические подходы — например, концепция форм капитала П. Бурдьё (Bourdieu, 1986), развивавшаяся, в частности, Р. Патнэмом (Putnam, 2000; 2002). Наличие различных форм капитала — экономического, культурного, социального, политического, и возможности конвертации одной формы в другую представили теоретико-методологические средства для исследования процессов изменений в структуре политической элиты.

Изначально внимание ученых концентрировалось на репродукции, как центральной тенденции изменения политических элит в странах ЦВЕ. Одними из наиболее известных исследований, обосновывавшими данный тезис, стали работы венгерского ученого Элмера Ханкисса (Hankiss, 1990; 1991) и польского ученого Ядвиги Станишкис (Staniszki, 1991). Исследователи отрицали наличие глубоких структурных изменений в составе правящих элит, обсуждая в качестве основной предпосылки подобного вывода тезис о «превращении власти» (conversion of power), концептуальные основания которого так же находятся в работах Бурдьё. В соответствии с данной линией аргументации, члены коммунистической номенклатуры осмысленно пошли на смену режима, конвертировав свой политический капитал в ресурсы частной собственности (политика приватизации). В концентрированном виде суть данного подхода лучше всего выражается фразой польских исследователей — Яцека Василевского и Эдмунда Внук-Липиньского, которые писали о «превращении аппаратчиков в миллионеров» (Wasilewski, Wnuk-Lipinski, 1995, p. 689).

Подобная постановка вопроса позволила исследователям утверждать, что значительной циркуляции элит в регионе ЦВЕ не произошло. Структурные перестановки имели место лишь в рамках сообщества лиц, уже обладавших значительной властью на момент начала политических реформ. Так, Ханкисс полагал, что правящая элита оставалась практически не затронута кардинальной социально-экономической трансформацией общества. На вершине политической пирамиды менялись лишь принципы легитимации, что позволило членам номенклатуры конвертировать политическое влияние в экономические ресурсы (собственность), и тем самым удержаться во власти. Элмер Ханкисс использовал понятие «большой коалиции» (grand coalition), чтобы описать слияние высшего звена политиков, управленцев и собственников, которые, в конечном ито-

ге, сумели сохранить за собой власть в изменившемся обществе. Ядвига Станишкис во многом сходным образом интерпретировала процесс трансформации, используя термин «политический капитализм», так как, по ее мнению, сложившийся капиталистический строй был «спроектирован» номенклатурой, прежде всего, в собственных интересах с целью сохранения своего привилегированного положения.

Как отмечали в середине 1990-х Я. Василевски и Д. Хигли, к удивлению большинства наблюдателей крах коммунистических режимов не привел к глубокому обновлению элит. По данным Василевского, приблизительно одна треть тех, кто относился к элите в 1988 г., сохранили имеющиеся или переместились на сопоставимые элитные позиции в 1993 г. (Wasilewski, 1995). Однако непрерывность воспроизводства элит в процессе посткоммунистической трансформации не означала отсутствия демократических преобразований. Скорее, фиксировала относительно высокую степень стабильности, столь необходимую для укрепления и развития демократических институтов (Higley, Kullberg, Pakulski, 1996).

В данном контексте необходимо также отметить исследование крупных государственных предприятий, проведенное Э. Салаи в 1980-х годах в Венгрии. Разделяя в целом выводы Ханкисс о высокой степени готовности политической элиты к приватизации, Салаи ставит в центр внимания конфликт между «старой» элитой и «новой» технократией — более образованной и молодой частью номенклатуры, усложняя таким образом базовую схему «превращения власти» (Szalai, 1994; 1995).

Иван Селеньи и Дональд Трейман на основании крупнейшего сравнительного исследования элит в регионе ЦВЕ в 1993–1994 гг. показали, что полученные выводы Ханкисс и Станишкис отражают лишь одну сторону процесса изменений в составе политического руководства (Szelenyi, Szelenyi, 1995). Отталкиваясь от вывода Салаи о различии между «старой» элитой и «новой» технократией, Селеньи и Трейман предложили тезис о циркуляции элиты. Они указали на тот факт, что в моделях Ханкисс и Станишкис не учитываются потенциальные препятствия в отношении возможности конвертации политического капитала в экономический. Полученные учеными новые данные показали, что далеко не всегда одного вида капитала — политического — оказывалось достаточно, чтобы предотвратить нисходящую мобильность в процессе социально-политических реформ. Селеньи и Трейман обосновывали тезис, в соответствии с которым циркуляция элит все же имела место. При этом в выигрыше остались «молодые технократы» в составе номенклатуры, а так же управленцы среднего уровня, далеко не все-

гда входившие в Коммунистическую партию, которые получили возможность конвертировать свой культурный капитал в политический. В то же время представители номенклатуры, полагающиеся лишь на свой политический капитал, нередко оказывались вытеснены со своих высоких позиций. Ученые настаивали, что «новая» политическая элита может быть рекрутирована из числа людей, обладающих обширным культурным капиталом, который со временем может позволить приобрести политический.

Вопрос соотношения репродукции и циркуляции до сих пор является одним из центральных не только для исследователей элит в ЦВЕ, но и для мировой элитологии в целом. В данной связи необходимо отметить, что Хигли и Лендьель предложили несколько отличный понятийный аппарат для изучения изменения элит, опирающийся на теоретическую схему, представленную на табл. 1 (Higley, Lengyel, 2000). В рамках данного подхода была разработана типология базовых видов изменений в составе правящего слоя, каждое из которых понято авторами, как циркуляция. Приняв за основу идеи о циркуляции В. Парето, авторы использовали понятие классической циркуляции, относительно которого были предложены еще три дополнительных типа изменений элиты.

Таблица 1. Паттерны циркуляции элиты

Форма циркуляции	Объем циркуляции	
	Широкий и глубокий	Узкий и поверхностный
Постепенная и мирная	Классическая циркуляция	Репродуктивная циркуляция
Быстрая и насильственная	Заменяющая циркуляция	Квазизаменяющая циркуляция

Источник: Higley, Lengyel, 2000.

Важным этапом в эволюции подходов к осмыслению посткоммунистических элит явился выход в 1998 г. работы И. Селеньи и Д. Эял под названием «Создавая капитализм без капиталистов» (Eyal et al., 1998). Публикации книги предшествовала известная статья «Теория посткоммунистического менеджериализма», в которой авторы предприняли попытку объединить теории элит и теорию нового класса с целью объяснения происходящих на территории ЦВЕ политических трансформаций (Eyal et al., 1997). Развивая идеи, изложенные в статье, коллектив авторов выдвинул гипотезу о «капитализме без капиталистов», который возник в посткоммунистических обществах стран ЦВЕ. Суть главного аргумента заключается в акцентировании отсутствия капиталистов как класса в момент пере-

хода от социализма к капитализму в странах ЦВЕ. Новая система создавалась «сверху», чем объясняется ведущая роль элит в процессе реформ. Однако авторы опровергают теорию политического капитализма Станишкис, настаивающую на репродукции элит, критически относясь к утверждению о сохранении бывшей номенклатурой *status quo* в вопросах распределения власти.

Одним из ключевых тезисов авторов исследования является утверждение о первостепенной значимости культурного капитала в процессе трансформации в правящем слое. На результатах эмпирических данных, выявляя тенденции устойчивой нисходящей мобильности, исследователи показывают, что далеко не все члены экс-номенклатуры сумели сохранить свое место в правящей элите. В оппозицию тезису Станишкис и Ханкисс «бывшая номенклатура как *grand bourgeoisie*» был обоснован тезис о коммунистической технократии, представители которой имели больше других шансов занять ведущие позиции в составе политической элиты на рубеже 1980-х–1990-х годов. Это время стало настоящим *annus mirabilis* для политических элит стран ЦВЕ. Именно тогда определялась новая социально-политическая архитектура обществ, писались конституции и учреждались институты, предпринимались попытки по созданию демократии (*democracy crafting*).

Страны Балтии как «серая зона» европейской элитологии

В отечественной политической науке в настоящее время существует недостаток страноведческих исследований, связанных с проблематикой циркуляции и репродукции национальных элит в государствах ЦВЕ. Исследовательское внимание традиционно уделяется процессам, происходящим на постсоветском пространстве — в частности, в России, Белоруссии, Украине (см.: Гаман-Голутвина, 2006; Гельман, 2007; Афанасьев, 2009). При этом изучение элитогенеза в Литве, Латвии или Эстонии не находится в числе исследовательских приоритетов, в то время как последние представляют ценный объект для анализа в силу насущной необходимости детального, глубокого понимания процессов, происходящих в странах, непосредственно соседствующих с Россией.

Как пишет Верена Фритц, проанализировавшая трансформационные процессы в России, Белоруссии, Украине и Литве, общей отправной точкой постсоветского политического процесса была институциональная эрозия (Fritz, 2007). Уникальность последовавших в постсоветский период событий в странах Балтии проявилась, прежде всего, в совмещении сразу трех масштабных процессов трансформации — переход к демократии и рыночные реформы совпали во времени с обретением национального суверенитета и

становлением государственности. Кроме того, страны Балтии — единственные республики СССР, кто не присоединился к СНГ, но вошел в Евросоюз и НАТО. Очевидно, что данные решения были результатом выбора политического руководства, действовавшего на основании межэлитного консенсуса, а по ключевым вопросам (таким, например, как упоминавшееся «возвращение на Запад») и общенационального консенсуса.

В Литве исследования элит начались в 1991 г. — практически сразу после обретения страной независимости. Глубокая политическая трансформация, сопровождавшаяся рыночными реформами, повлекла за собой значительные изменения в составе правящей элиты, чем и была обусловлена центральная проблематика первых исследовательских проектов. В первую очередь исследователей интересовали вопросы формирования новой элиты в литовском обществе и место в данном процессе представителей бывшей номенклатуры. В качестве эмпирического материала выступали, прежде всего, биографии представителей элиты. С середины 1990-х годов начинают проводиться исследования, основанные на опросах представителей правящих элит с целью выявления их установок, ориентаций и ценностей (см.: Hausstein, Guchteneire, 2002).

Анализируя исследование элит в странах бывшего коммунистического блока, Ирмина Матоните выделяет три центральные школы постсоветской элитологии — Будапешт-Варшавская зона, Московская зона и «серая» зона, к которой исследователь относит страны Балтии (наряду с Украиной, Словакией и Болгарией) [Matonyte 1999]. Если отличительной чертой первой зоны является адаптация элементов западной теории элит еще в коммунистический период, а вторая — Московская зона — характеризуется «поучительным тоном» и стратификационной схемой анализа, то особенностью «серой» зоны — пространства двойной периферии — являются фрагментарные исследования, основанные на заимствовании подходов первых двух школ. Для элитологических исследований «серой» зоны характерна относительная разобщенность сообщества социологов и политологов, выражающаяся, в том числе, в значительной степени различающемся научном уровне проводимых исследований и решающем факторе влияния зарубежных исследователей на формирование элитологии (Ibid., p. 54).

Основные литовские исследовательские центры, специализирующиеся на изучении элит, сформировались в Вильнюсе и Каунасе. Это разделение лидерства между двумя столицами — Вильнюсом и Каунасом — характерно для Литвы в целом. Так, согласно данным исследовательского проекта «Kas yra kas Lietuvoje» («Кто

есть кто в Литве»), наибольшее количество влиятельных людей Литвы родом именно из Вильнюса или Каунаса. То же можно сказать о высших учебных заведениях и научных центрах. Под руководством К. Масюлиса на базе Вильнюсского университета в 1993–1995 гг. была проведена серия опросов с целью выявления ценностей представителей «властной» элиты («power elite») — политиков, руководителей бизнес- и медиа-сообществ Литвы (Masiulis, 1997). В 1992 г. в Вильнюсском университете был создан Институт международных отношений и политической науки, одним из направлений работы которого впоследствии стало исследование элит. В рамках данного приоритета, в 1996–1997 гг. институтом был реализован крупный исследовательский проект под названием «Исследование литовской политической элиты». Значительную роль в развитии литовской элитологии сыграло исследование, проведенное социологом Владасом Гайдисом. Опираясь на обширные результаты множества эмпирических исследований (опросы, анализ статистических данных и т. д.), ученый детально проанализировал основные тенденции, факторы и структурные особенности формирования «новой политической элиты» Литовской Республики в процессе посткоммунистической трансформации (Gaidys, 1999).

Одним из важнейших предметов внимания литовских исследователей стали предтранзитные диспозиции политической элиты. В частности, центральным вопросом в данном контексте являлось существование «контрэлиты» или так называемой «альтернативной» элиты в Литве накануне выхода из состава СССР и начала реформ. На базе Каунасского технологического университета проводил свои исследования Альгис Крупавичус. В частности, под его руководством был реализован проект «Парламентская и правительственная элита 1994–1996», включавший детальное изучение карьерных траекторий и партийной принадлежности политической элиты Литвы. А. Крупавичус придерживается точки зрения, в соответствии с которой, «альтернативные» элиты сформировались в Литве накануне политической трансформации. Он выделяет две модели формирования «альтернативных» элит в этот период. Во-первых, долгосрочный рост антисистемных оппозиционных движений на основе независимых профсоюзов (как, например, «Солидарность» в Польше), масштабные кризисы легитимности режима (как, например, в Венгрии в 1956 и т. д.), продолжительная деятельность групп диссидентов и церкви (Католическая церковь в Литве, сеть Хельсинских групп в Прибалтике в конце 1970-х годов). Во-вторых, «взрывное» развитие новых элит накануне трансформации на базе новых социальных движений, особенно разнообразных групп, выступающих за защиту окружающей среды, радикализация организа-

ций, в прошлом поддерживавших существовавший режим (союзы художников, писателей и т. д.), а также переход официальных СМИ на продемократические позиции (Krupavicius 1996).

Рассмотренные выше основные подходы к изучению политических элит в странах ЦВЕ оказались столь высоко востребованы среди политологов, в центре внимания которых находится исследование литовской элиты, что И. Матоните даже пишет о трансплантации существующих методов исследования для применения в рамках литовского исследовательского сообщества (Matonyte, 2001, p. 109–110). Именно Ирмина Матоните, чей исследовательский путь включает работу как в Каунасе, так и в Вильнюсе, внесла важнейший вклад в развитие исследований литовской элиты. Ее научная деятельность охватывает множество аспектов элитологии, включая сравнительные исследования элит на посткоммунистическом пространстве, с акцентами на парламентских и деловых элитах (Matonyte, 2003a; 2003b, 2007).

Матоните, поддерживая выводы Крупавичуса, обсуждает, в том числе, возможность наличия механизмов кооптации «альтернативной» элиты в Компартию Литвы, отмечая при этом разницу по сравнению с Латвией и Эстонией и определенное сходство с Венгрией. Однако, как справедливо замечает исследователь, в данном отношении мы можем иметь дело лишь с гипотезами, не подтвержденными эмпирическими исследованиями. Таким образом, при наличии групп «альтернативной» элиты — в этом отношении в исследовательских кругах сформировался консенсус — эмпирически обоснованного ответа на вопрос относительно возможности наличия определенных форм кооптации в конце 1980-х годов «альтернативной» элит в Литовскую Компартию получено не было (см.: Steen, 1997; Matonyte, 2002).

В изучение особенностей смены элит в странах Балтии и в частности в Литве значительный вклад внес норвежский исследователь Антон Стин. В 1993–1994 гг. он провел масштабное исследование политических элит балтийских республик (Steen, 1997). Главным методом получения эмпирических данных явились интервью с представителями национальных элит. Так, в Литве было опрошено более 300 человек, среди которых — члены Сейма, представители бюрократии, руководители крупных государственных и частных предприятий и т. д. Выводы Стина относительно смены элит в Литве и странах Балтии в целом соответствуют общей рамке текущего понимания элит ЦВЕ. Исследователь утверждает, что восходящая мобильность была наиболее очевидна в случае молодых административных сотрудников среднего звена коммунистического перио-

да (Steen, Ruus, 2002). Одним из основных результатов исследовательской деятельности Стинга стала теория сетевого государства элит (elite network state). Исследователь применил к странам Балтии теоретическую модель, в соответствии с которой элиты осуществляют деятельность с использованием государства в своих прагматичных интересах. При этом со стороны политических институтов их деятельность ограничивается лишь в незначительной мере, что является, с точки зрения Стинга, одним из главных отличий данных стран от стран Западной Европы. Матоните, не умаляя значимости самого исследования, критикует предложенную Стингом теорию за недостаточную эмпирическую основательность ее выводов (Matonyte, 1999, p. 54).

В целом, при обсуждении характера и динамики трансформации политической элиты Литвы, исследователи принимают тезис о консолидированном решении элиты (pacted transition), как основании для начала политических и экономических реформ на рубеже 1980–1990-х годов. В целях экспликации произошедших в составе элиты изменений адаптируется как тезис Станишкиса о «политическом капитализме» (Matonyte, 2001), так и тезис Салаи и Селеньи о технократии (Steen, 2002).

Теория форм капитала Бурдьё представляет необходимые концептуальные основания для объяснения включения в период перемен в политику многочисленных представителей интеллигенции, а также восходящей мобильности молодых хорошо образованных административных работников конца коммунистической эпохи. Данные группы обладали культурным и символическим капиталом, который оказался востребован в данное время, при этом, представители последней — так называемая молодая технократия — явились основным бенефициаром перемен, в то время как «политики морали» добиться значимой политической карьеры сумели лишь в единичных случаях, довольно быстро сойдя со сцены (см.: Wasilewski, 2001).

На более поздних этапах важным предметом академической дискуссии стала динамика смены элит и, в особенности, роль бывших представителей номенклатуры в данном процессе. Как показала И. Матоните, уже в самом начале 1990-х годов политически более опытные бывшие коммунисты заменили менее политически опытных непрофессионалов от «Саюдиса» (Matonyte, 2009, p. 31). Собственно, и сам «Саюдис» возник при активном участии политиков, имеющих коммунистическое прошлое — достаточно сказать, что из 36 членов инициативной группы 17 человек были членами КПСС (см.: Фурман, 2009, с. 45). И это не удивительно, ведь новая властная группа, как справедливо указали Дж. Хигли и М. Доган, не может быть создана ex nihilo (Dogan, Hingley, 1998, p. 22).

А. Стин приводит два аргумента, объясняющих, почему представители павшего коммунистического режима оказались востребованы в посткоммунистической Литве. Во-первых, он говорит о «функциональных потребностях государства» — что бы ни произошло, определенные жизненные функции государства должны быть продолжены и после изменения режима, а выполнять их лучше всего могут люди с соответствующим опытом и компетентностью. Во-вторых, подобную непрерывность политической элиты можно объяснить с точки зрения того, что многие из ее представителей обладают ресурсами и тесными сетевыми связями, благодаря чему и поддерживают друг друга в новых условиях (Steen, 1997, p. 95–96). Роль экс-коммунистов в новой Литве оказывается столь весомой, что постсоветскую политическую литовскую элиту Гайдис называет биполярной, маркируя ее по принадлежности к одному из двух борющихся «лагерей» — объединение Бразаускаса (элиты левого толка) и объединение Ландсбергиса (элиты правого толка) (Gaidys, 1999, p. 124). Политический мир Литвы начала 1990-х годов был черно-белым, и в нем не было места иным политическим силам (Berglund et al., 2004, p. 137). Для объяснения политической роли бывшей коммунистической номенклатуры в формировании современной элиты Литвы исследователи обращаются к анализу типов (поколений) элит периода глубоких социально-политических реформ. В основу базовой схемы легла осуществленная Яцеком Василевски классификация политических элит в контексте политических изменений в странах ЦВЕ по трем типам — элиты транзита, элиты трансформации и элиты консолидации (табл. 2).

Таблица 2. Типы элит в процессе политической трансформации в ЦВЕ

Тип (поколение) элиты	Характеристика
Элиты транзита	Преобладают «политики моральных качеств», интеллектуалы, стремящиеся вести свои страны к демократическим идеалам и активно вовлеченные в дискурс о ценностях. Большинство из них не строили политической карьеры и попали в политику относительно случайно.
Элиты трансформации	Более прагматичные политики, инженеры нового демократического порядка, политики-технократы.
Элиты консолидации	Политики-модераторы, управленцы, осуществляющие интеграцию и закладывающие новые основы для дальнейшего развития.

Источник: Wasilewski, 2001.

Схема, предложенная Василевски, получила эмпирическое подтверждение, в том числе, в исследованиях Михаэля Эдингера о формировании и профессионализации элит в странах ЦВЕ (см.: Ilnoski, Edinger, 2007). Применяя сходную схему непосредственно в отношении Литвы, Матоните выделяет два основных типа элит переходного периода — «элиты-революционеры» и «пост-транзиторные элиты» (Matonyte, 2002). Деятельность «элит-революционеров» характеризовалась преобладанием символической политики при, как правило, широкой поддержке со стороны населения. Политические руководители осуществляли демонтаж прежней системы и определяли новый курс путем институциональных выборов. Перед «пост-транзиторными элитами» встали другие задачи — в условиях постепенного исчезновения эйфории от перемен на первый план выходили задачи повышения эффективности институтов, решение комплекса социально-экономических проблем. Новая ситуация формировала новый запрос на компетенции и результаты деятельности политической элиты. В данном контексте очевидно, что профессиональный управленческий опыт представлял собой ресурс, наличие которого способствовало возвращению его обладателей во власть.

Необходимо отметить, что в Литве тема изучения политической элиты находилась на пике исследовательского интереса в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Именно в это время появились наиболее полные исследования механизмов, каналов рекрутирования политической элиты, работы по ценностям элиты и прочим аспектам деятельности властных групп. В настоящее время литовские исследователи, прежде выполнявшие, по сути, роль первооткрывателей политической элиты в своей стране, идут по пути расширения, углубления, уточнения тематики изучения, зачастую комбинируя различные предметные поля. Примером такого подхода может служить изданная в 2011 г. работа Дианы Янушаускене «Посткоммунистическая демократизация в Литве. Элиты, партии и молодежные организации в 1988–2001 годах». В ней автор апеллирует в основном к работам американских, польских и венгерских исследователей, в частности, утверждая, что именно элитам принадлежит первостепенная роль в процессе посткоммунистической трансформации (Janusauskiene, 2011).

Проблема выбора исследовательской схемы в условиях неопределенности

Как было показано выше, ряд категорий и теоретико-методологических схем зарекомендовал себя в качестве эффективного средства разрешения проблем изучения «новых политиче-

ских элит» как региона Центральной и Восточной Европы в целом, так и применительно к отдельным страновым случаям, что было продемонстрировано на примере Литвы.

Проведенный анализ представляет попытку реконструкции предметного поля исследования политических элит Литвы в свете элитологических изысканий в масштабе Центральной и Восточной Европы. Реконструированные с учетом контекста своего формирования исследовательские подходы и схемы представляют инструментарий для изучения политических элит на современном этапе. Изучение политической элиты Литвы предполагает опору на теоретико-методологические средства элитологии, разработанные и получившие применение в исследованиях на пространстве ЦВЕ в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Внимание ученых здесь концентрировалось на нескольких ключевых вопросах, вокруг которых выстраивались гипотезы, проводились исследования и развивались ключевые дебаты, сформировавшие предметное поле теории элит применительно к данному региону. Основные дебаты в Литве проходили вокруг относительно традиционных для исследователей элит стран ЦВЕ проблем — ведущая роль элит в процессе социально-политических трансформаций, положение представителей бывшей номенклатуры в процессе смены элит, структура и динамика трансформации элит, роль интеллигенции в процессе реформ т. д. Вместе с тем, очевиден и ряд значимых различий в акцентах.

На наш взгляд, такие понятия и стоящие за ними исследовательские схемы, как «соглашение элит» и «формы капитала» представляют ключевые средства политологического анализа элит и на современном этапе вполне удовлетворяют исследовательским задачам. С их помощью могут быть успешно реализованы процедуры структурного анализа состава политической элиты, реконструированы трансформационные процессы в рамках властных групп за последние два десятилетия, зафиксированы каналы рекрутирования политической элиты на современном этапе. В то же время необходимо отметить и ряд трудностей, с которыми могут столкнуться современные исследователи. Претендующая на универсальный характер объяснения элитистская модель трансформации, предложенная Дж. Хигли и М. Бартоном, не может быть применена без критической интерпретации, так как, по сути, игнорирует до сих пор играющий значительную роль в политическом процессе ряда стран ЦВЕ внешний фактор – роль «советского наследия» или «фактор России». В случае Литвы значительное, подчас определяющее влияние на формирование политической системы в целом оказал процесс становления государственности, актуализировавший фак-

тор «исторической памяти». Он выразился, в частности, в активном рекрутировании членов новой политической элиты среди литовской диаспоры в США как носителей ценностей «старой», докоммунистической Литвы (см.: Skulte-Ouaiss, 2006; Фурман, 2009), для которой российское присутствие в политике становилось фактором-ирритантом, потенциальной внешней угрозой со стороны прежней «метрополии» (Смирнов, Сутырин, 2011). Изучение причин и механизмов возникновения подобной ситуации позволит реконструировать пространство ключевых альтернатив при осуществлении литовской элитой институционального и, шире, политического выбора.

Случай Литвы, представляющий, с одной стороны, конкретный страновой пример и, с другой стороны, являющийся примером части бывшего коммунистического блока, претерпевшего масштабную трансформацию, составляет важный материал для развития теоретико-методологического инструментария изучения малых стран в контексте социально-политической неопределенности. Процесс достижения «социальной стабильности» (или того, что В. Парето называл «эквilibриум») в странах, перенесших коллапс коммунистической системы, происходит на общем фоне нарастающей неопределенности политического развития современного общества. Неопределенность, являющаяся системной характеристикой находящегося в состоянии трансформации общества (см.: Knight, 1992), становится неотъемлемой чертой повседневности, присущей «обществу риска» (см.: Giddens, 1991; Бек, 2007), «текучей современности» (см.: Бауман, 2008). При этом существенное возрастание влияния и роли элит по отношению к массовым группам стало за последнюю четверть века очевидным трендом (Гаман-Голутвина, 2008, с. 68).

В данной связи видится важным сосредоточить исследовательское внимание на современной проблематике развития политической элиты Литвы и стран ЦВЕ в целом — в частности, на так называемых вызовах «вертикальной» и «горизонтальной» интеграции. Базовой категорией в первом случае принято считать консенсус элит, который, как показали последние два десятилетия, не является раз и навсегда достижимым состоянием. Но очевидно и «разочарование» в политике (и этот вызов «вертикальной» интеграции обозначил, в частности, М. Эдингер) — низкая степень «укорененности» политических элит стран ЦВЕ в обществе, выражающаяся, прежде всего, в слабости партий, а также в степени доверия населения представителям политической элиты. Данные тенденции обуславливают низкую явку на выборах и общую нестабильность конфигураций электоральной поддержки. Парадокс заключается в том, что профессионализация политической элиты, способствующая

щая ее «горизонтальной» интеграции — выстраиванию консенсуса, вместе с тем может препятствовать «вертикальной» интеграции, увеличивая дистанцию между лицами, наделенными политической властью, и обычными гражданами.

Принимая во внимание схожие тенденции в демократиях Западной Европы, страны ЦВЕ могут рассматриваться в некотором смысле, как более современные, опережающие Западную Европу в отношении ряда тенденций рекрутирования и интеграции политических элит, «задающие тон и определяющие направление, в котором будет меняться элита в устоявшихся демократиях континента» (см.: Эдингер, 2010, с. 27). Еще более категорично в данном отношении высказывается Х. Бест, считая, что «Восточная и Центральная Европа демонстрирует Западу картину его собственного будущего, включая пагубные последствия нестабильности политической карьеры, например, склонность к психологии временщиков» (Бест, 2010, с. 34). В целом подобные тенденции свидетельствуют о фундаментальном вызове легитимности в рамках существующего как в западных, так и восточноевропейских странах политического порядка.

Рассмотрение обозначенной проблематики предполагает обращение к теоретико-методологическим основаниям, которые позволяли бы, с одной стороны, конструировать эффективные инструменты исследования, принимающие во внимание как комплексное изучение региональных и, прежде всего, отдельных страновых случаев, так и общий контекст динамики современного развития. Актуальным направлением в этой связи может стать обращение к так называемым «интегративным» теориям, разработанным, в частности, П. Бурдьё и Э. Гидденсом с целью реконструкции общего социально-политического контекста развития современных политических элит. Одним из ключевых аспектов при этом видится применение масштабной теоретико-методологической рамки в качестве задающей контекст при исследовании политической элиты отдельных стран. Опираясь на такой подход, появляется возможность сопряжения различных уровней исследования, выстраивания цепочки последовательных связей между макро- и микроуровнями политологического анализа, что позволяет проводить эффективное исследование соотношений агентов и структур.

Литература

1. Афанасьев М. Н. Российские элиты развития: запрос на новый курс. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. 132 с.
2. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-

политическая экономия / Пер. с нем. А. Б. Григорьева, В. Д. Сидельникова. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 500 с.

4. *Берталанфи Л. фон* История и статус общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник, 1973. М., 1973.

5. *Бест Г.* Смена элит и процесс демократизации в Центральной и Восточной Европе // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия: сб. статей / Под ред. Я. А. Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010. 215 с.

6. *Гаман-Голутвина О. В.* Авторитаризм развития или авторитаризм без развития: судьбы модернизации на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4 (13). С. 77–84.

7. *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 446 с.

8. *Гаман-Голутвина О. В.* Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт. Ч. 1 // Полис. 2008. № 6. С. 67–85.

9. *Гельман В. Я.* Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Полис. 2007. №2. С. 81–108.

10. *Гидденс Э.* Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.

11. *Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю.* Балто-Черноморье: времена и пространства политики. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 386 с.

12. *Истон Д.* Категории системного анализа политики // Антология политической мысли. Т. 2. М., 1997. С. 630–642.

13. *Мельвиль А. Ю.* Задержавшиеся и/или несостоявшиеся демократизации: почему и как? // Полис. 2010. № 4. С. 73.

14. *Поппер К. Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. / Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, Междун. фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.

15. *Симонян Р. Х.* Россия и страны Балтии. Две модели социального развития. Изд. 3-е. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2009. 416 с.

16. *Смирнов В. А., Сутырин В. В.* Россия как фактор-ирритант для политической элиты стран Балтии в контексте электоральных кампаний 2010-2011 годов: экспертный взгляд // Балтийский регион. 2011. № 2 (8). С. 146–153.

17. *Шутов А. Ю.* Политический процесс. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. 79 с.

18. *Фурман Д. Е.* Становление партийной системы в постсоветской Литве. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 200 с.

19. *Хигли Д.* Демократия и элиты // Русские чтения. Вып. 4. (Сборник материалов программы Института общественного проектирования «Русские чтения» за сентябрь 2006 – июль 2007 г.). М.: «Группа Эксперт», 2007. С. 64–85.

20. *Эддингс М.* Политические элиты в посткоммунистических государствах: смена элит и связанные с нею вызовы // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия: сб. статей / Под ред. Я. А. Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010. С. 13–29.

21. *Almond G., S. Flanagan, R., Mundt* (eds.) Crisis, Choice, and Change. Historical Studies of Political Development. Boston: Little Brown and Company, 1973. 717 p.

22. *Berglund S., Hellen T., Aarebrot F.* (eds.) The Handbook of Political Change in Eastern Europe. Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edward Elgar, 2004. 626 p.

23. *Best H., Becker U.* (eds.) Elites in Transition: Elite Research in Central and Eastern Europe. Opladen: Leske & Budrich, 1997. 250 p.

24. *Best H., Higley, J.* (eds.), Democratic elitism: new theoretical and comparative perspectives. Leiden and Boston: Brill, 2010. 235 p.

25. *Bourdieu P.* The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J. G. Richards. New York: Greenwood Press, 1986.

26. *Vozzoki A.* Theoretical Interpretations of Elite Change in East Central Europe // Elite configurations at the apex of power / Ed. by M. Dogan, M. Leiden: Brill, 2003. P. 215–223.

27. *Burton M., Gunther R., Higley J.* Introduction: Elite Transformations and Democratic Regimes // *Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe* / Ed. by J. Higley, R. Gunther Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–37.
28. *Burton M., Higley J.* Elite Settlements // *American Sociological Review*. 1987. Vol. 52. N 3. P. 295–307.
29. *Clark T. D.* Beyond Post-Communist Studies: Political Science and the New Democracies of Europe. New York: Sharpe, 2002. 178 p.
30. *Dogan M., Higley J.* Elites, Crises, and the Origins of Regimes. Rowman and Littlefield Publishers, Boulder CO. 1998. 264 p.
31. *Easton D.* A Systems Analysis of Political Life. New York: Wiley, 1965. 507 p.
32. *Eyal G., Szelenyi I., Townsley E.* Making Capitalism Without Capitalists: The New Ruling Elites in Eastern Europe. London: Verso, 1998. 200 p.
33. *Eyal G., Szelenyi I., Townsley E.* The Theory of Post-Communist Managerialism // *New Left Review*. 1997. N 222. P. 60–92.
34. *Fritz V.* State-Building: A Comparative Study of Ukraine, Lithuania, Belarus and Russia. Central European University Press, 2007. 384 p.
35. *Gaidys V.* The Emergence of the Lithuanian Political Elite // *The New Elite in Post-communist Eastern Europe*. Ed. by V. Shlapentokh, Ch. Vanderpool, B. Doctorov. Texas A&M University Press, 1999.
36. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.
37. *Hankiss E.* East European Alternatives. Oxford: Clarendon Press, 1990. 319 p.
38. *Hankiss E.* Reforms and the Conversion of Power // *Upheaval against the Plan: Eastern Europe on the Eve of the Storm* / Ed. by P. Weilemann, G. Brunner, R. Tokes. Oxford: Berg, 1991. P. 27–39.
39. *Hausstein B., Guchteneire P. De* (Eds.) Social Science Data Archives in Eastern Europe. Heron Press, Sofia, Bulgaria, 2002.
40. *Higley J., Kullberg J., Pakulski J.* The Persistence of Postcommunist Elites // *Journal of Democracy*. 1996. N 7 (2). P. 133–147.
41. *Higley J., Lengyel G.* Elites after State Socialism. Theories and Analysis. New York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2000. 252 p.
42. *Huntington S.* Will More Countries Become Democratic? // *Political Science Quarterly*. 1983. Vol. 99. N 2. P. 193–218.
43. *Janusauskiene D.* The Post-Communist Democratization in Lithuania. Elites, Parties and Youth Organizations 1988-2001. Amsterdam: New York, 2011. 173 p.
44. *Ilonszki G., Edinger M.* MPs in Post-Communist and Post-Soviet Nations: A Parliamentary Elite in the Making // *The Journal of Legislative Studies*. 2007. Vol. 13. N 1. P. 142–163.
45. *Knight J.* Institutions and social conflict. Cambridge, 1992. 234 p.
46. *Lengyel G. (et al.)* Elites in Central-Eastern Europe. Budapest: Friedrich Ebert Foundation, 2007. 64 p.
47. *Levi-Strauss C.* Structural Anthropology. Vol. 1 / Translated by C. Jacobson, B. Schoepf. New York: Basic Books, 1963. 448 p.
48. *Krupavicius A.* Models of Post-communist Political Elites in Central Europe and the Baltics: Comparative Analysis // *Hungarian Center for Democracy Studies Foundation, Budapest papers on Democratic transition*. 1996. N 158. 34 p.
49. *Masiulis K.* Lietuvos elitas. Economines vertybes. Politines orientacijos. Prognozes. Vilnius, 1997.
50. *Matonyte I.* Elite studies and Communism: the Baltics between Moscow and East Central Europe // *Baltic democracy at the crossroads* / Berglund Sten, Duvold Kjetil (eds.). An Elite perspective, HoyskoleForlaget As, Kristiansand, Norwegian Academic Press, 2003. P. 23–36.

51. *Matonyte I.* Elites in Soviet and post-Soviet societies // Paper presented at the Fourth Nordic Conference on the Anthropology of Post-Socialism, April 2002. Электронный ресурс. URL: http://www.anthrobase.com/txt/M/Matonyte_I_01.htm (дата обращения: 11.06.2011).
52. *Matonyte I.* Elito teorijos ir studijos sovietinėse ir posovietinėse visuomenėse // Sociologija. Mintis ir veiksmai. Klaipėda, Socialinių tyrimų / sociologijos istorijos centras. 1999. N 4. P. 44–59.
53. *Matonyte I.* Ex-Nomenklatura in the Baltics: Soviet Legacies and Contributions // Restructuring of the Economic Elites after State Socialism. Recruitment, Institutions and Attitudes / Lane D., Lengyel G., Thølen J. (eds.). Stuttgart, 2007. P. 169–198.
54. *Matonyte I.* Ex-nomenklatura and Ex-dissidents in the Post-communist Parliaments of Estonia, Latvia, Lithuania and Poland // Viesoji politika ir administravimas. 2009. N 29. P. 28–39.
55. *Matonyte I.* Posovietinio elito labirintai (Labyrinths of the post soviet elites). Vilnius, Knygai. 2001. 324 p.
56. *Matonyte I.* The Parliamentary elite in post-communist Lithuania 1990–2000 // Representative elites in post-communist settings / Best H., Edinger M. (eds.). Jena: Friedrich Schiller Universitat. 2003. N 8. P. 55–67.
57. *Mosca G.* The Ruling Class. Elementi di Scienza Politica / Trans. by H. D. Kahn. Ed. and revised by A. Livingston. New York: McGraw-Hill Book Company, 1939. P. 514.
58. *Norkus Z.* Kokia demokratija, koks kapitalizmas? Pokomunistine transformacija Lietuvoje lyginamosios istorines sociologijos požiūriu. Vilnius: Vilniaus universitetas. 2008. 744 p.
59. *Pareto V.* Trattato di Sociologia Generale, V. 1. Florence, 1916.
60. *Popper K.* The Open Society and Its Enemies. Princeton: Princeton UP, 1963.
61. *Przeworski A.* Minimalist conception of democracy: a defense // Democracy's value / Ed. by I. Shapiro, C. Hacker-Cordon. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 23–55.
62. *Putnam R. D.* Bowling Alone. The collapse and revival of American community. New York: Simon and Schuster. 2000. 541 P.
63. *Putnam R. D.* (ed.) Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society. New York: Oxford University Press. 2002. 522 p.
64. *Ramet S. P.* (ed.) Central and South-East European Politics since 1989. New York: Cambridge University Press, 2010. 563 p.
65. *Riker W.* Liberalism Against Populism. San Francisco: W.H. Freeman and Company, 1982. 311 p.
66. *Rustow D.* Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. Vol. 2. N 3. P. 337–363.
67. *Schumpeter J.* Capitalism, socialism and democracy. Routledge, 1994.
68. *Shlapentokh V., Vanderpool C., Doktorov B.* (eds.): The New Elite in Post-communist Eastern Europe. Texas A&M University Press, 1999. 402 p.
69. *Skulte-Ouais J.* Returned Diaspora and Political Leadership: The Cases of Postcommunist Latvia and Lithuania // Promoting democratic values in the enlarging Europe: the changing role of the Baltic states from importers to exporters / Ed. by A. Kasekamp, H. Paabo. Papers presented on the International Conference EuroCollege, University of Tartu, 2006.
70. *Staniszki J.* The Dynamics of the Breakthrough in Eastern Europe: The Polish Experience. Berkley: University of California Press, 1991. 303 p.
71. *Steen A., Ruus J.* Change of Regime — continuity of Elites? The Case of Estonia // East European Politics and Societies. 2002. Vol. 16. N 1. P. 223–248.
72. *Steen A.* The New Elites in the Baltic States: Recirculation and Change // Scandinavian Political Studies. 1997. Vol. 20. Issue 1. P. 91–112.
73. *Szalai E.* The Power Structure in Hungary After the Political Transition // The New

Смирнов В. А., Сутырин В. В. Эволюция подходов к изучению политических элит в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: случай Литвы

Great Transformation? / Ed. by G. A. Bryant, E. Mokrzycki. London: Routledge, 1994. P. 120–143.

74. *Szalai E.* The Metamorphosis of the Elites // Lawful Revolution in Hungary, 1989–1994 / Ed. by B. Liraly, A. Bozoki. Boulder: Social Science Monographs, 1995. P. 159–174.

75. *Szelenyi I., Szelenyi S.* Circulation of Reproduction of Elites During the Postcommunist Transformation of Eastern Europe // Theory and Society. 1995. Vol. 24. N 5. P. 615–638.

76. *Wasilewski J.* Communist Nomenklatura in Post-Communist Eastern Europe: Winners or Losers of Transformation? Warsaw: Polish Academy of Sciences, 1995.

77. *Wasilewski J.* Elite Circulation and Consolidation of Democracy in Poland // Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe / Ed. by J. Higley, J. Pakulski, W. Wesołowski New York: St Martin's, 1998. P. 163–187.

78. *Wasilewski J.* Three Elites of the Central-East European Democratization // Transformative Paths in Central and Eastern Europe / Ed. by M. Radośław, E. Wnuk-Lipinski. Warsaw: Institute of Polish Studies, 2001.

79. *Wasilewski J., Wnuk-Lipinski E.* Poland: Winding road from the Communist to the post-Solidarity elite // Theory and Society. 1995. Vol. 24. P. 669–696.

80. *Welsh H.* Political Transition Processes in Central and Eastern Europe // Comparative Politics. 1994. Vol. 26. N 4. P. 379–394.